

ПРЕДИСЛОВИЕ

Термин «внушение», заимствованный из обыденной жизни и введенный первоначально в круг врачебной специальности под видом гипнотического или после гипнотического внушения, в настоящее время вместе с более близким изучением предмета получил более широкое значение. Дело в том, что действие внушения ничуть не связывается обязательным образом с особым состоянием душевной деятельности, известным под названием гипноза, как то доказывают случаи осуществления внушения, производимого в бодрственном состоянии. Более того — внушение, понимаемое в широком смысле слова, является одним из способов воздействия одного лица на другое даже при обыденных условиях жизни.

В виду этого внушение служит важным фактором нашей общественной жизни и должно быть предметом изучения не одних только врачей, но и всех вообще лиц, изучающих условия общественной жизни и законы ее проявления. Здесь во всяком случае открывается одна из важных страниц общественной психологии, которая представляет собою обширное и мало еще разработанное поле научных исследований.

Настоящее сочинение в первом своем издании представляло собою речь, произнесенную в актовом собрании Военно-Медицинской Академии в декабре 1897 года, и потому было ограничено определенными размерами. Но интерес и важность затронутой темы побудили автора существенно расширить рамки своего труда, вследст-

вие чего это второе издание выходит значительно пополненным против первого и уже не в форме речи.

Не претендуя и в настоящем издании на желательную полноту изложения затрагиваемого предмета, автор полагает, что уже правильное его освещение может быть небесполезным для лиц, интересующихся ролью внушения в общественной жизни.

В. Бехтерев

РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПРИРОДУ ВНУШЕНИЯ

В настоящую пору так много вообще говорят о физической заразе при посредстве «живого контагия» (*contagium vivum*) или т. н. микробов, что, на мой взгляд, нелишне вспомнить и о «психическом контагии» («*contagium psychicum*»), приводящем к психической заразе, микробы которой хотя и не видимы под микроскопом, но тем не менее подобно настоящим физическим микробам действуют везде и всюду и передаются чрез слова, жесты и движения окружающих лиц, чрез книги, газеты и пр., словом, где бы мы ни находились, в окружающем нас обществе мы подвергаемся уже действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными.

Вот почему мне представляется не только своевременным, но и небезынтересным остановиться на внушении как факторе, играющем видную роль в нашей общественной жизни, факторе, полном глубокого значения, как в повседневной жизни отдельных лиц, так и в социальной жизни народов.

Правда, этот вопрос еще не в достаточной мере освещен наукой и потому я не могу скрыть опасения, что в кратком изложении вряд ли мне удастся дать полное представление о затрагиваемом здесь предмете; но такая уже природа человеческой мысли: пока вопрос недостаточно изучен, он представляет живой интерес для всех и каждого, но как только тот же самый вопрос рассмотрен всесторонне в науке и сделался достоянием обширно-

го круга лиц, он уже значительно утрачивает долю своего интереса. Руководясь этим, я полагаю, что не заслужу со стороны читателя большого упрека, если я остановлю его внимание на вопросе о так называемом внушении и психической заразе.

Прежде всего мы должны выяснить, что такое само по себе внушение?

Вопрос о природе внушения есть один из важнейших вопросов психологии, получивший в последнее время огромное практическое значение, благодаря в особенности изучению гипнотизма, хотя теперь твердо установлено, что внушение вообще является актом гораздо более широким, нежели собственно гипнотическое внушение, так как оно проявляется и в бодрственном состоянии и притом в жизни наблюдается везде и всюду, то есть при весьма различных условиях.

Несмотря, однако, на огромную практическую важность внушения, его психологическая природа до сих пор представляется еще крайне мало изученной.

Еще недавно этот термин не имел особого научного значения и употреблялся лишь в просторечии главным образом для обозначения наущений, с той или другой целью производимых одними лицами другим. Лишь в новейшее время этот термин получил совершенно научное значение вместе с расширением наших знаний о психическом влиянии одних лиц на других. Но этим термином стали уже злоупотреблять, прилагая его к тем явлениям, к которым он не относится, и нередко прикрывая им факты, остающиеся еще недостаточно выясненными.

Несомненно, что от такого злоупотребления научным термином происходит немало путаницы в освещении тех психологических явлений, которые относятся к области внушения, а потому прежде всего мы должны подумать об определении и точном ограничении этого термина.

Нужно заметить, что уже многие авторы давали этому термину то или другое определение. Если мы обратимся к литературе предмета, то мы встретимся с самыми разнообразными определениями внушения.

По определению доктора Lefevre'a, явления внушения и самовнушения состоят в ассимиляции мыслей, вообще каких-либо идей, допущенных им без мотива и случайно и в их быстром превращении в движения, в ощущения или в акты задержки¹.

Liébeault под внушением признает вызывание словом или жестами в гипнотике представления, следствием которого возникает то или иное физическое или психическое явление.

По Bernheim'у внушение есть такое воздействие, при посредстве которого вводится в мозг представление, которое им и принимается.

Lowenfeld под внушением понимает представление психического или психофизического характера, которое своим осуществлением проявляет необыкновенное действие, вследствие ограничения или прекращения ассоциационной деятельности².

Тот же автор в своей книге приводит и целый ряд определений внушения, сделанных другими авторами. Из этих определений мы приведем лишь наиболее существенные.

Forel под внушением понимает вызывание такого динамического изменения нервной системы, когда возникает представление, что это изменение наступило, наступит или наступит.

Moll дает сходственное этому определение: по нему внушением называется тот случай, когда результат обу-

---

¹ Dr. L. Lefevre. Les phenomenes de suggestion et d'auto-suggestion etc. Paris, 1903, стр. 101 и 102.

² См. Lowenfeld. Гипнотизм. Пер. доктора Лясса. Саратов, 1903.

словливается тем, что вызывают представление о его наступлении.

По Wundt'у, внушение есть ассоциация с сопутствующим ей сужением сознания по отношению к представлениям, которые, возникая, не дают проявиться противоположным ассоциациям.

По Schrenk-Notzing'у, внушение выражается ограничением ассоциаций в отношении определенного содержания сознания.

Vincent говорит, что «под внушением мы понимаем обыкновенно совет или приказание; в состоянии же гипноза внушение есть произведенное на психику впечатление, которое вызывает за собою непосредственное приспособление мозга и всего, от него зависящего».

По Hirschlaff'у, под внушением следует понимать со стороны гипнотизирующего утверждение, не мотивированное и не соответствующее действительности, со стороны же гипнотизируемого — реализация этого утверждения¹.

Если предыдущие определения представляются более или менее односторонними, противоречивыми и неточными, то последнее определение представляется крайне узким Lowenfeld справедливо восстает против него, так как согласно этому определению пришлось бы исключить не только все терапевтические внушения, которые по Hirschlaff'у должны быть рассматриваемы не как внушения, а как советы, надежды и пр., но также должен быть исключен из области внушения и целый разряд явлений, известный под названием противовнушений, так как они стоят в соответствии с действительностью. Да и сколько неопределенного в самом понятии «несоответствующий действительности». Например, дается спящему внуше-

---

¹ См. *Lowenfeld*, loco cit. С 31.

ние: проснувшись, взять со стола папироску и закурить, и он беспрекословно выполняет это внушение. Спрашивается, много ли тут несоответствующего действительности? А между тем бесспорно, что мы здесь также имеем дело с внушением, как и в других случаях.

Приведение других определений здесь излишне и бесполезно, так как и вышеизложенного вполне достаточно, чтобы видеть, как много путаницы, неясного и неопределенного вводится в понятие о внушении.

Очень характерно по этому поводу начинает свою книгу Б. Сидис. *Б. Сидис. Психология внушения*, 1902. «Психологи употребляют термин «внушение» так беспорядочно, что читатель часто не уясняет себе его настоящего значения. Иногда этим названием пользуются для означения тех случаев, когда одна идея ведет за собою другую, и таким образом отождествляют внушение с ассоциацией. Некоторые настолько расширяют область внушения, что включают в нее всякое влияние человека на своих собратьев. Другие суживают внушение и внушаемость до простых симптомов истерического невроза. Так поступают сторонники Сальпетриерской школы. Нансийская же школа называет внушением причину, вызывающую то особое состояние духа, при котором явление внушаемости чрезвычайно выступает вперед».

Само собою разумеется, что столь неясное положение вопроса о внушении приводит, по Б. Сидису, к большой путанице в психологических исследованиях, относящихся до внушения, о чем мы уже и говорили выше. Сам Б. Сидис, поясняя внушение на нескольких примерах, останавливается между прочим на определении Больдвина, по которому «под внушением понимается большой класс явлений, типическим представителем которых служит внезапное вторжение в сознание извне идеи или образа, становящихся частью потока мысли и стремящихся вызвать

мышечные и волевые усилия — свои обычные последствия». Б. Сидис считает однако его недостаточным; он находит во внушении еще другие важные черты, которые состоят в том, что внушение воспринимается субъектом *без критики* и выполняется им почти *автоматически*.

Но независимо от того, по Б. Сидису, во внушении имеется еще элемент, без которого определение является неполным. «Этот элемент, или фактор составляет преодоление, или обход противодействия субъекта. Внушенная идея насильно вводится в поток сознания, она нечто чуждое, нежеланный гость, паразит, от которого сознание субъекта стремится избавиться. Поток сознания индивидуума борется с внушаемыми идеями, как организм с бактериями, стремящимися разрушить устойчивость равновесия. Этот элемент противодействия имеет в виду доктор И. Гроссман, определяя внушение, как «процесс, в котором какое-нибудь представление пытается навязаться мозгу».

В конце концов, Б. Сидис останавливается на таком определении внушения: «Под внушением понимается вторжение в ум какой-либо идеи; встреченная большим или меньшим сопротивлением личности, она наконец принимается без критики и выполняется без осуждения, почти автоматически»¹.

Определение это, выраженное в такой форме, стоит довольно близко к сделанному мною ранее определению внушения, еще в первом издании настоящей брошюры, но все же, благодаря некоторым вводным указаниям, оно не может быть признано вполне достаточным². Прежде всего далеко не всегда внушение встречается тем или другим

---

¹ Б. Сидис. Психология внушения, перев. доктора М. Колоколова. СПб. 1902 г., с. 19.

² См. В. Бехтерев. Роль внушения в общественной жизни. СПб., 1898, с. 2.

сопротивлением со стороны личности внушаемого лица. Это наблюдается чаще всего в тех гипнотических внушениях, которые касаются нравственной сферы внушаемого лица или же противоречат установившимся отношениям данного лица к тем явлениям, которые служат предметом внушения; в большинстве же других случаев внушение входит в психическую сферу без всякого сопротивления со стороны внушаемого лица, нередко оно проникает в его психическую сферу совершенно незаметно для него самого, не смотря даже на то, что действует в бодрственном состоянии.

Что это так, доказывает пример, заимствованный из книги Охоровича «О мысленном внушении», приводимый самим Б. Сидисом:

«Мой друг П., человек столь же рассеянный, сколь и остроумный, играл в шахматы в соседней комнате, а мы остальные разговаривали около двери. Я заметил, что мой друг, когда совсем погружался в игру, имел обыкновение насвистывать арию из «Madame Angot». Я уже собрался ему в аккомпанемент отбивать ритм на столе; но в этот раз от стал насвистывать марш из «Пророка».

Послушайте, сказал я товарищам, мы сделаем с П. штуку: мы прикажем ему (мысленно) перейти с «Пророка» на «Lafille de madame Angot».

Сначала я стал отбивать марш, потом, воспользовавшись несколькими нотами, общими обеим пьесам, немедленно перешел на более быстрый темп любимой арии моего приятеля. П. со своей стороны внезапно переменял мотив и начал насвистывать «Madame Angot». Все рассмеялись. Мой друг был слишком занят шахом королевы, чтобы заметить, что-нибудь. Начнем опять, сказал я, и вернемся к «Пророку». Немедленно мы опять услышали замечательную фугу Мейербера. Все, что мой друг знал, было только то, что он что-то насвистывал».

Нет надобности пояснять, что здесь не было мысленного внушения, а было внушение слуховое, которое проникало в психическую сферу совершенно незаметно для внушаемого лица и без всякого с его стороны сопротивления.

То же самое мы имеем и в других случаях. Возьмем еще примеры из Б. Сидиса:

«У меня в руках газета, и я начинаю ее свертывать; вскоре я замечаю, что мой друг, сидящий против меня, свернул свою таким же образом, мы говорим, что это случай внушения»¹.

Мы можем привести и много других аналогичных примеров, где внушение входит в психическую сферу незаметно для самого лица и без всякой борьбы и сопротивления с его стороны.

Вообще можно сказать, что внушение по крайней мере в бодрственном состоянии гораздо чаще проникает в психическую сферу именно таким незаметным образом и во всяком случае без особой борьбы и сопротивления со стороны внушаемого лица. В этом и заключается общественная сила внушения. Возьмем еще пример из того же Б. Сидиса:

«Среди улицы на площади, на тротуаре останавливается торговец и начинает изливать целые потоки болтовни, льстя публике и восхваляя свой товар. Любопытство прохожих возбуждено: они останавливаются. Скоро наш герой становится центром толпы, которая тупо глазееет на «чудесные» предметы, выставленные ей на удивление. Еще несколько минут — и толпа начинает покупать вещи, про которые торговец внушает, что они «прекрасные, дешевые».

---

¹ Б. Сидис. Психология внушения, с. 10.

«Уличный оратор взлезает на полено или на повозку и начинает разглагольствовать перед толпой. Грубейшим образом он прославляет великий ум и честность народа, доблесть граждан, ловко заявляя своим слушателям, что с такими дарованиями они должны ясно видеть, как зависит процветание страны от той политики, которую он одобряет, от той партии, доблестным поборником которой он состоит. Его доказательства нелепы, его мотивы презренны, и однако он обыкновенно увлекает за собой массу, если только не подвернется другой оратор и не увлечет в другом направлении. Речь Антония в «Юлии Цезаре» представляет превосходный пример внушения».

Очевидно, что во всех этих случаях действие внушения не осуществилось бы, как скоро было бы *замечено* всеми, что торговец не в меру расхваливает свои товары, что уличный оратор преувеличивает значение своей партии, вздорным образом восхваляя ее заслуги. По крайней мере все, для которых ясны вздорность и лживость уверений, в таких случаях тотчас же отходят в сторону от таких ораторов, вокруг которых остается только доверчивая толпа слушателей, мало понимающая в деле, не замечающая ни грубой лести, ни лживых заявлений и потому легко поддающаяся внушению.

Итак, в действии последнего, по крайней мере в приведенных случаях, нет ничего «насильственного», нет ничего такого, что должно быть «преодолеваемо», наконец, нет и ничего такого, от чего «сознание субъекта стремится избавиться».

Все происходит самым обычным, естественным порядком, и однако это есть настоящее внушение, которое вторгается в психическую сферу, как тать, и производит в ней роковые последствия.

Нет, конечно, надобности доказывать, что в отдельных случаях внушение действительно встречает сопро-

тивление со стороны внушаемого лица, и тем не менее оно проникает в сознание, как паразит, после известной борьбы, почти насильственным способом.

Один из прекрасных поэтических примеров внушения, проникающего в сознание после известной борьбы, представляет внушение со стороны Яго, направленное на Отелло, который встречает это внушение первоначально некоторым сопротивлением, но затем постепенно поддается ему, когда «яд ревности» начинает совершать в душе Отелло свою губительную работу. Точно также и некоторые из внушений, производимых в гипнозе, иногда встречаются известным противодействием со стороны внушаемого лица. Особенно часто это случается с лицами, которым внушают произвести поступок, противоречащий их наиболее сокровенным нравственным убеждениям. Как известно, некоторые из французских авторов по степени сопротивления лица, которому производятся внушения, противоречащие общепринятым нравственным понятиям, находили возможным даже определять нравственность данного субъекта.

Очевидно, что даже в гипнозе личность не вполне устраняется, она только потухает в известной мере и, встречая внушение, противное убеждению, противодействует ему в той или другой мере.

Тем не менее ничего обязательного и даже характерного для внушения в противодействии со стороны внушаемого лица мы не имеем, так как множество внушений вступает в психическую сферу без малейшего сопротивления со стороны внушаемого лица. Одному лицу, находящемуся в бодрственном состоянии, я говорю, что у него начинает стягивать руку в кулак, что всю его руку охватывает судорога и ее притягивает к плечу, и это внушение тотчас же осуществляется. Другому я говорю, что он не может брать рукой окружающих предметов, что она у

него парализована, и оказывается, что с этих пор на самом деле он не употребляет руки, и все это продолжается впредь до того времени, пока я не скажу тому и другому лицу, что они вновь по-прежнему владеют своей рукой. Ни в том, ни в другом случае, как и во многих других, нет и тени сопротивления.

Поэтому мы не можем согласиться с Б. Сидисом, когда он говорит, что черта сопротивления есть *основная* часть внушения или что поток сознания индивидуума борется с внушаемыми идеями, как организм с бактериями, стремящимися разрушить устойчивость. В этой борьбе и в сопротивлении для внушения нет никакой необходимости, вследствие чего сопротивление личности не может и не должно входить в определение внушения. Нельзя также думать, что внушение не допускает критики.

Сопротивление внушению, где оно имеется, ведь и основано на критике, на уяснении внутреннего противоречия внушаемого с убеждениями данного лица, на несогласии с ним его «я», когда это «я» не вполне исключено. Иначе ведь не было бы и сопротивления. Отсюда очевидно, что внушение в известных случаях не исключает даже критики, не переставая быть в то же время внушением. Это обычно замечается в слабых степенях гипноза, когда личность, или «я», не будучи вполне устраненным, относится еще с критикой ко всему окружающему и в том числе к внушению.

Одному лицу я внушаю в гипнозе, что по пробуждении он должен взять со стола фотографическую карточку, которую он увидит. Когда он проснулся, он почти тотчас же осматривает поверхность стола и останавливает свой взор на определенном месте. «Вы что-нибудь видите?» — спрашиваю я. «Вижу карточку». Я прощаюсь с ним, намереваясь уйти; но он все еще обращает свой взор на стол. «Не нужно ли Вам что-нибудь сделать?» — спрашиваю я.

«Мне хотелось взять эту карточку, но мне ее не надо!» — отвечает он и уходит, не выполнив внушения и, очевидно, борясь с ним.

Очень хороший пример мы находим также у Б. Сидиса. Человеку, находящемуся в слабой степени гипноза, делается внушение, что он, услышав стук, возьмет сигаретку и зажжет ее. «Пробудившись, он помнил все. Я быстро стукнул несколько раз. Он встал со стула, но сейчас же сел опять и, смеясь, воскликнул: «Нет, я не стану этого делать!» «Что делать?» — спросил я. «Зажечь сигаретку, это бессмыслица!!!» — «А вам очень хотелось это сделать?» — спросил я, представляя желание прошедшим, хотя было ясно, что он теперь с ним борется. Он не ответил. Я снова спросил: «Вы очень желали это сделать?» «Не очень», — ответил он кротко и уклончиво.

Таким образом, «принятие без критики внушенных идей и действия» также не составляют безусловной необходимости для внушения, хотя и бесспорно, что большинство внушений входит в психическую сферу, как о том говорилось ранее, без всякого сопротивления.

Равным образом полного автоматизма мы не находим и в осуществлении внушения. Известно, как часто мы встречаем даже у лиц, погруженных в гипноз, что внушение осуществляется не без некоторой борьбы. То же мы наблюдаем и в случаях послегипнотического внушения. Иногда эта борьба кончается тем, что внушение, бывшее на пути к осуществлению, в конце концов остается неосуществленным вовсе, как это было в только что приведенном примере. Правда, это противодействие бывает различно, смотря по силе внушения, по его характеру, по тем или другим внешним условиям, тем не менее оно возможно и во многих случаях существует. Следовательно, двигательный автоматизм далеко не может считаться неотъемлемой принадлежностью внушения.